

RU

Соотношение эпистемической модальности и эвиденциальности в турецком и японском языках

Хафизова И. И., Хабибуллина Э. К.

Аннотация. Цель исследования - выделить особенности соотношения эпистемической модальности и эвиденциальности в турецком и японском языках. Соотношение эпистемической модальности и эвиденциальности является одной из самых неоднозначных проблем при рассмотрении эвиденциальности. Как категория эвиденциальности проявляется по-разному в каждом языке, так и проблема соотношения эпистемической модальности и эвиденциальности имеет особое решение в каждом языке. Научная новизна данной работы заключается в сопоставительном исследовании указанной проблемы в турецком и японском языках. Нами не было найдено исследований, затрагивающих проблему соотношения эпистемической модальности и эвиденциальности в японском и турецком языках в сопоставительном аспекте. Имеющиеся же исследования по японскому либо турецкому языку часто противоречивы: определение адмиративности в турецком языке, выделение маркеров эпистемической модальности и эвиденциальности в японском языке - эти проблемы вызывают много споров. В результате было доказано, что в турецком языке ярко проявляется взаимодействие двух категорий при использовании инференциальной эвиденциальности, в японском языке - когда речь идет об эвиденциальности пересказывательности. В турецком языке взаимодействие двух категорий рождает новое значение эвиденциальности - мிரативность.

EN

Relation between Epistemic Modality and Evidentiality in Turkish and Japanese

Khafizova I. I., Khabibullina E. K.

Abstract. The purpose of the research is to identify the features characterising the correlation between epistemic modality and evidentiality in Turkish and Japanese. The relationship between epistemic modality and evidentiality is one of the most ambiguous issues when considering evidentiality. Just as the category of evidentiality manifests itself differently in each language, so the issue of the correlation between epistemic modality and evidentiality has a special solution in each language. Scientific novelty of the paper lies in conducting a comparative study of the said issue in Turkish and Japanese. We have not found any studies that address the issue of the correlation between epistemic modality and evidentiality in the Japanese and Turkish languages in a comparative aspect. The available research on Japanese or Turkish is often contradictory: the definition of admirativity in Turkish, the identification of markers of epistemic modality and evidentiality in Japanese - these issues cause a lot of controversy. As a result, it has been proved that the interaction of the two categories is particularly evident in the Turkish language when using inferential evidentiality; in the Japanese language, it is the case when it comes to hearsay evidentiality. The interaction of the two categories generates a new meaning of evidentiality in the Turkish language, i.e. mirativity.

Введение

Соотношение эвиденциальности и эпистемической модальности является одной из самых сложных тем при изучении эвиденциальности. Проблемы выделения миративности как отдельной грамматической категории, определения границ эпистемической модальности и эвиденциальности по-прежнему являются острыми и обсуждаемыми. С этим мы связываем актуальность выбранной нами темы.

Объектом данного исследования является грамматика японского и турецкого языков в сравнительном аспекте, предметом – соотношение эпистемической модальности и эвиденциальности в указанных языках.

В данной работе будет сопоставляться соотношение эпистемической модальности и эвиденциальности в турецком и японском языках. Для достижения данной цели мы поставили перед собой следующие задачи:

- 1) кратко обобщить существующие взгляды на соотношение эвиденциальности и эпистемической модальности;
- 2) выделить маркеры эвиденциальности и эпистемической модальности в японском и турецком языках;
- 3) рассмотреть взаимодействие эвиденциальности и эпистемической модальности в турецком и японском языках.

В данном исследовании на первом этапе нами рассматриваются и обобщаются основные теоретические труды, посвященные проблеме соотношения эпистемической модальности и эвиденциальности, указываются основные маркеры эвиденциальности и эпистемической модальности. Во второй части статьи проводится сравнительная характеристика турецкого и японского языков в свете противопоставления в них эвиденциальности и эпистемической модальности. Таким образом, в работе применяются такие методы исследования, как обобщение, сравнительный анализ.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности применения ее результатов при написании научных работ в области сопоставительного языкознания (алтайская языковая семья), а также в общих исследованиях, посвященных эвиденциальности и эпистемической модальности. Также результаты данной работы могут быть применены в преподавании ряда курсов в университетах: алтаистика, общее языкознание, курс японского языка, курс турецкого языка и другие.

Теоретическую базу данного исследования составили общие работы, посвященные проблеме соотношения эвиденциальности и эпистемической модальности. Все труды можно разделить на три группы. Первая группа авторов считает эвиденциальность ответвлением модальности: модальность – более широкая категория, включающая в себя в том числе и интенсивность, этическую оценку, ирреальность и другие. Этой точки зрения придерживаются такие исследователи, как Ф. Р. Палмер (ранние работы, например, (Palmer, 1986)), Т. Уиллет (Willet, 1988), Дж. Байби (Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994). Л. Ларм (Larm, 2014, с. 37-41) в своей статье, посвященной модальности в японском языке, говорит об «эвиденциальной модальности». Есть и вторая группа: некоторые исследователи считают данные категории независимыми. Среди них можно назвать такие имена, как А. Айхенвальд (Aikhenvald, 2004), Р. Л. Освальт (Oswalt, 1986), А. Д. Каксин (2014). Исследователи, придерживающиеся данной точки зрения, считают, что эпистемическая модальность и эвиденциальность имеют совершенно различные значения: оценка вероятности и указание на источник информации – продуктивнее эти значения не смешивать и рассматривать отдельно. Существует и третья группа, в нее входит довольно много отечественных ученых: В. А. Плунгян (2011), Р. Ницолова (2003), Т. А. Майсак и С. Г. Тетевосов (2000) – данные ученые утверждают, что эпистемическая модальность и эвиденциальность являются разными семантическими зонами, однако они могут и пересекаться.

Основная часть

Эпистемическая модальность и эвиденциальность. Определение

В первую очередь необходимо дать определение эпистемической модальности и эвиденциальности. Эпистемическая модальность является семантической категорией, указывающей на степень вероятности той или иной ситуации. То есть используя показатель эпистемической модальности, говорящий выражает свое отношение по поводу истинности/возможности реализации конкретной ситуации. Как указывает В. А. Плунгян (2011), данное значение модальности имеет наиболее сложные и сильные связи со значениями и в сфере модальности, и в других сферах. Эвиденциальность имеет значение имплицитного (скрытого) указания на источник информации. Говорящий с помощью показателей эвиденциальности может указать, каким образом он получил ту или иную информацию: прямым (визуальная/сенсорная/аудиальная информация) / косвенным (инференциальность/пересказывательность/презумпция).

Эвиденциальность, указывая на то, каким способом говорящий получил информацию, прямым/косвенным, таким же образом может указывать и на степень достоверности информации: информация, полученная напрямую, оценивается нами как более достоверная, чем информация, полученная косвенным путем. Таким образом, мы видим, что эпистемическая модальность и эвиденциальность все-таки являются отдельными категориями, однако у них есть и точки соприкосновения. Прежде чем высказать нашу окончательную точку зрения по данному вопросу, предлагаем рассмотреть, какие маркеры исследователи предлагают выделять в качестве маркеров эвиденциальности и эпистемической модальности в японском и турецком языках. Мы не будем останавливаться на лексических маркерах и рассмотрим только морфологические и морфолого-синтаксические маркеры: именно они будут интересовать нас с точки зрения соотношения эпистемической модальности и эвиденциальности.

Маркеры эвиденциальности и эпистемической модальности

В турецком языке один маркер эвиденциальности – морфологический маркер -mİş. Он передает сразу несколько смыслов: пересказывательность, инференциальность, воображаемое действие, неожиданность. Эпистемическую модальность же могут выражать и морфологические, и морфолого-синтаксические маркеры: -Abilir, -AcAk, -mAlI, -Ar, mİş, mİşDir, Dİr -olsa gerek, -olması gerek (Цит. по: Üzüm, 2019). Отсюда мы склонны исключить -mİşDir. Dİr, являясь маркером модальности, как раз таки привносит значение модальности

в предложение. Это является примером взаимодействия модальности и эвиденциальности, но не перехода модальных значений в показатели эвиденциальности.

Ben de hata yaptımışdır, bazen çok fazla sinirlenmişimdir. / И я делал ошибку, наверное, иногда слишком злился (здесь и далее, если не указано иное, примеры авторов. – И. Х., Э. Х.).

Показатель эвиденциальности -mİş здесь выполняет привычную для себя функцию инференциальности, а также дает отсылку к тому, что действие было в прошлом.

В японском языке выделяют следующие маркеры эвиденциальности: -garu, -souda, -rashii, -youda, -mitai. Данные маркеры также могут передавать различные смыслы: пересказывательность, инференциальность, презумпция. Среди маркеров эпистемической модальности отмечают -hazu, -nichigainai, -darou, -kamoshirenai, -souda, -rashii, -mitai.

В данной статье нас будет интересовать маркер -mİş в турецком языке и маркеры -souda, -rashii, -mitai в японском языке.

Эпистемическая модальность и эвиденциальность в турецком языке

М. Узум (Üzüm, 2019, с. 477) и А. Сечкин (Seçkin, 2020, с. 3) говорят о том, что в турецком языке маркер эвиденциальности -mİş может показывать неуверенность говорящего в достоверности информации.

Ben geçen hafta Rusya gittim, eksi 15 derecede sokaklarda gezdim, buz pateni de yaptım. / Я на прошлой неделе был в России, в -15 гулял по улицам, на коньках тоже катался.

– Güzelmiş. / Здорово.

Здесь ответ несет оттенок неуверенности, снятия ответственности за свои слова. Собеседник подчеркивает, что это здорово «с твоих слов».

В то же время трудно выделить модальную нагрузку в эвиденциальности пересказывательности.

Kış soğuk olacaktı. / Зима будет холодной.

Здесь трудно говорить о степени достоверности данного высказывания: -mİş может передавать выражения с разной долей уверенности при передаче смысла пересказывательности, поэтому для полного понимания нам необходим контекст либо отсылка на источник.

Интересным является употребление эвиденциального показателя в турецком языке в первом лице.

В первом лице показатель эвиденциальности может выражать сомнение (часто – сомнение в результативности выполненного действия), неуверенность в достоверности утверждения.

Ben okumuşum. / Прочитать-то я прочитал [но ничего не помню] (Хафизова, Шафигуллина, 2021, с. 1680).

-mİş способен передать значение «открытия», неожиданности случившегося, а также неожиданности того, что должно случиться, то есть значение миративности. Термин «адмиративность» появился еще в XIX веке и был введен О. Дозоном, однако прижился он только в конце XX века, после статьи, выпущенной в 1997 г. С. Деланси. Одни исследователи выделяют миративность как отдельную от эвиденциальности категорию, в частности, И. А. Мельчук (1998) рассматривает ее как категорию реактивности. Некоторые ученые выделяют миративность как отдельную грамматическую категорию (Е. К. Скрибник (Скрибник, Зезинг, 2012) – для монгольских языков). Мы считаем, что выделение миративности в отдельную грамматическую категорию нецелесообразно: миративность в турецком языке обозначается средствами эвиденциальности, отдельного показателя не существует. Внутриязыковое взаимодействие эпистемической модальности и эвиденциальности же, в свою очередь, могло стать причиной появления дополнительного значения у эвиденциальности.

Ben çok korkmuşum. / Оказывается, я очень испугался (Хафизова, Шафигуллина, 2021, с. 1680).

В этом же значении может употребляться конструкция с -acakmış.

Yarın İstanbula gideyecektmişiz. / Оказывается, завтра мы едем в Стамбул [действие было запланировано заранее, но я не знал об этом] (Хафизова, Шафигуллина, 2021, с. 1680).

Также -mİş при употреблении с формами 1-го лица (также с -uyormuş) может показывать, что мнение окружающих ложно, здесь оно будет переводиться с фразами «якобы», «оказывается». Например:

Ben her gün cep telefonumu 15 saat kullanıyormuşum. / Якобы я каждый день по 15 часов сижу в телефоне (Хафизова, Шафигуллина, 2021, с. 1680).

Есть еще одно, редкое значение -mİş: воображаемость события (Гузев, 2015, с. 198).

Okula gitmeden arkadaşlarla dolaşmışsın ve sokakta öğretmen ile karşılaşmışsın. / [Представь, что] ты не пошел в школу, гулял с друзьями и столкнулся с учителем на улице (Хафизова, Шафигуллина, 2021, с. 1680).

Здесь, на наш взгляд, мы можем говорить уже не об эпистемической модальности, а о модальности ирреальности.

Эпистемическая модальность и эвиденциальность в японском языке

В японском языке тесна связь между эвиденциальностью и эпистемической модальностью. Это связано в первую очередь с особенностями японского менталитета: говорящий дистанцируется от вынесения суждения, снимает с себя ответственность за его достоверность. Мы можем говорить здесь об «эпистемической дистанции» (Плунгян, 2011).

В. А. Плунгян (2011) указывает на то, что эвиденциальность презумпции имеет «модальную природу». В японском языке маркер -soudesu-2 может использоваться наряду с формами презумптива, например:

Ashita yuki ga furu deshou. Asatte mo yuki ga furisoudesu. / Завтра должен быть снег. Послезавтра тоже, наверное, будет идти снег.

Если говорить об эвиденциальности пересказываемости в японском языке, то нужно обратиться к маркерам *-soudesu-1* и *-rashii*. Первый маркер будет указывать на то, что при передаче информации говорящий опирается на достоверный источник, на первоисточник. Во втором же случае это будет недостоверный источник: слухи, информация из третьих рук.

Kyou Tanakasan konai soudesu. / *Сегодня Танака не придет [я знаю это от самого Танака]* (Хафизова, Шафигуллина, 2021, с. 1680).

Tanakasan wa konai rashii desu. / *Танака не придет [услышал случайно от кого-то, не от самого Танака]* (Хафизова, Шафигуллина, 2021, с. 1680).

Показатели *-youda*, *-mitai*, *-soudesu-2*, *-rashii* выражают инференциальную эвиденциальность. Данные показатели довольно близки по значению и употреблению, поэтому важно смысловое различие данных показателей. Многими исследователями *-youda*, *-mitai* признаются синонимами, при этом *-mitai* имеет более неформальный оттенок (например, (Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008)). Данные маркеры используются при передаче инференциального смысла с опорой на визуальный источник (прямой источник).

Iwateken wa kumorigatide ichibu no chiiki dewa ame mo futteiru mitaidesu. / *В префектуре Иватэ облачно, должно быть, в некоторых местностях идет дождь.*

При передаче инференциального смысла с помощью *-rashii* источник может быть любого характера, не только визуальным, но обычно эти источники имеют косвенный характер. В этом состоит его отличие от других маркеров. Таким образом, высказывание с *-rashii* будет иметь меньшую достоверность.

Fubiki rashii. / *Кажется, метель [я не смотрю в окно, но слышу, как ветер завывает в трубу]* (Хафизова, Шафигуллина, 2021, с. 1680).

Но в то же время возможно и употребление *-youda* при наличии косвенной, а не прямой информации.

Yamatoto wa A kaishya no shuyain youdesu. Tashikamete wa inai kara youda to kaiteiru. / *Ямато, должно быть, сотрудник компании «А». Я пишу «должно быть», так как не проверял [информацию]* (Цит. по: Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008).

-soudesu-2 в значении инференциальности может передавать события, которые вот-вот произойдут. Здесь мы имеем дело с высокой долей уверенности.

Ame ga furisoudesu. / *Похоже, что пойдет дождь [в ближайшее время].*

Поэтому данный маркер используется и при предостережениях, пожеланиях:

Samukunarisoudesu kara ki o tsukete kudasai. / *Береги себя: похолодает.*

Если сравнивать показатели *-soudesu-2* и *-youda*, то *-youda* будет передавать более достоверную информацию, так как здесь будет играть роль тот факт, что при использовании *-youda* говорящий не только опирается на зрительную информацию, но и делает определенные умозаключения (Asano, 2003, с. 155).

Ke-ki ga oishisoudesu. / *Торт выглядит вкусным.*

Kono ke-ki wa sore yori oishii youdesu ne. / *Этот торт, кажется, вкуснее, чем тот [говорящий уже попробовал оба торта].*

Маркеры инференциальной эвиденциальности в японском языке тесно переплетаются со значениями сравнения: эти маркеры могут использоваться и как маркеры сравнения. Н. Имтихани (Imtihani, 2009) не склонен сильно отделять это значение от инференциальности. В первом случае мы имеем дело с ситуацией, когда говорящий не уверен, правда ли это, однако считает, что высказывание очень близко к правде, во втором случае он судит о достоверности ситуации, сравнивая ее с близкой ситуацией. Однако мы склонны разделять эти два значения: в японском языке существует большое количество маркеров сравнения, *-youda*, *-mitai*, *-rashii* – лишь часть из них. По этой причине данное значение в статье рассматриваться не будет.

Заключение

В данной работе мы пришли к следующим выводам:

1. Эпистемическая модальность и эвиденциальность являются разными категориями, которые выражаются отдельными для каждой категории показателями, однако в определенных контекстах возможно наложение значения модальности на эвиденциальные показатели.

2. Для японского языка характерно наложение модальности на эвиденциальность пересказываемости: маркеры пересказываемости могут передавать разную степень достоверности информации. Также модальные значения могут накладываться на инференциальную эвиденциальность, при этом возникает акцент на вероятности события.

3. В турецком языке модальные значения в основном накладываются на инференциальную эвиденциальность, а также рождают такое значение эвиденциальности, как миративность.

Данная работа является частью общего исследования, посвященного проблеме эвиденциальности в японском и турецком языках. Ее результаты могут быть использованы как в теоретических исследованиях этих языков, так и при их преподавании. Перспективы дальнейших исследований мы видим в рассмотрении грамматического уровня языка в японском и турецком языках в целом с последующим включением и других языковых уровней с целью решить проблему принадлежности японского языка к алтайской языковой семье.

Источники | References

1. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008.
2. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
3. Каксин А. Д. Средства выражения эвиденциальности и миративности в контексте дискурсивного исследования // Коммуникативные исследования. 2014. № 1.
4. Майсак Т. А., Тетевосов С. Г. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания. 2000. № 5.
5. Мельчук И. А. Курс общей морфологии: в 5-ти т. М. - Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 1998. Т. 2.
6. Ницолова Р. Семантическая гиперкатегория «Характеристика говорящим сообщаемой информации» и ее связь с временем и лицом глагола // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: мат. Междунар. науч. конф. СПб., 2003.
7. Плуныян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. 2011. URL: <https://kzref.org/v-a-plungyan-vvedenie-v-grammaticheskuyu-semantiku-grammatiche.html?page=25>
8. Скрибник Е. К., Зезинг О. А. К описанию эвиденциальности и миративности в калмыцком языке // Вопросы языкознания. 2012. № 4.
9. Хафизова И. И., Шафигуллина Л. Ш. Эвиденциальность пересказываемости в турецком и японском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 5.
10. Aikhenvald A. I. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
11. Asano Y. A Semantic Analysis of Epistemic Modality in Japanese. Canberra, 2003.
12. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago - L., 1994.
13. Intihani N. An Overview of Japanese Modalities and Their Degree of Proposition // Humaniora. 2009. Vol. 21. Iss. 1.
14. Larm L. Modality Packaging in Japanese: The Encoding of Modal Meanings and Subjectivity // Studies in Pragmatics. 2014. Vol. 16.
15. Oswald R. L. The Evidential System in Kashaya // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology in Language. Norwood, 1986.
16. Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge, 1986.
17. Seçkin A. When the Owner of Information is Unsure: Epistemic Uncertainty Influences Evidentiality Processing in Turkish // Lingua. 2020. Vol. 247.
18. Üzümlü M. Epistemik kiplik işaretleyicilerinin söz dizimsel özellikleri Özbek ve Türkiye Türkçesi // Türkoloji Dergisi. 2019. Vol. 23. № 2.
19. Willet Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // Studies in Language. 1988. Vol. 12. Iss. 1.

Информация об авторах | Author information

RU Хафизова Ильсеяр Ильгамовна¹
 Хабибуллина Эльмира Камилевна², к. филол. н., доц.
^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет

EN Khafizova Iseyar Ilgamovna¹
 Khabibullina Elmira Kamilevna², PhD
^{1,2} Kazan (Volga Region) Federal University
¹ lilijakhafizva@yandex.ru, ² minabova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 24.01.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): эпистемическая модальность; эвиденциальность; турецкий язык; японский язык; epistemic modality; evidentiality; Turkish language; Japanese language.